

А.И. ЛЫСЮК

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

В истории человечества политическое лидерство играло и играет одну из ключевых ролей в формировании и форматировании социальных процессов. В современном мире его воздействие на общественное развитие увеличилось. Основная причина этого — усилившаяся виртуализация и персонификация политического пространства, вызванные медиа-революцией, в результате чего фигура политического лидера приобрела беспрецедентное значение. “Современные средства массовой информации и коммуникации предоставляют общенациональным лидерам уникальные возможности не только провозглашать и обосновывать свои программы, но и достаточно эффективно манипулировать общественным сознанием” [1, 23]. Наряду с этим современные исследователи во многих странах фиксируют несоответствие качества лидерства социальным вызовам. В качестве примера можно привести постсоветскую Украину. По мнению Н. Михальченко, “если внимательно проанализировать ситуацию в Украине, то мы увидим, что существует еще один дефицит — лидеров. Не начальников, их в Украине всегда было вдоволь, а именно лидеров” [2, 15].

Проблема политического лидерства активно разрабатывается в современной социальной и психологической науке. Однако, несмотря на множество работ по данной проблеме, “природа и значение политического лидерства являются больше проблемой журналистских спекуляций, чем предметом политологических исследований... Большинство современной литературы по политическому лидерству состоит из биографического подхода, который не соответствует современным парадигмам социальной науки и не предоставляет материал для автономных теорий политического лидерства” [3, 509]. Поэтому, по образному утверждению О.Нойбергера: “...тот, кто хочет ориентироваться в области лидерства, с неизбежностью соприкасается с трудно обозреваемой местностью, на карте которой имеется целый ряд потемкинских деревень, неприступных крепостей и диких трющоб” [4, 2]. Как следствие этого, в современном обществоведении отсутствует общность позиций по целям, условиям, формам, процессам, и структурам лидерства, смешиваются теоретическое и эмпирическое, персональное и институциональное, нормативное и дескриптивное, психологическое и социокультурное, истинное и ложное, оригинальное и тривиальное.

Ключевой проблемой изучения феномена политического лидерства является анализ системы его детерминант.

В современной науке множество работ посвящено изучению этого вопроса. Основная масса из них выдержана в русле политико-психологических исследований и ограничивается исследованием психологических феноменов, игнорируя факторы социокультурные, являющиеся как раз ядром феномена политического лидерства. Влияние этого фактора столь значительно, что позволило американскому политологу М.Фолькертсма определить лидерство как совокупность целенаправленных взаимодействий, детерминированных *ценностями* лидера и его последователей [5].

Проблема социокультурной детерминации политического лидерства как целостного феномена, имеющего логико-исторический характер, в современной науке изучена недостаточно, поэтому и явилась *целью* нашей работы. Имеющиеся же исследования можно сгруппировать по нескольким направлениям.

Суть первого заключается в том, что в рамках биографического подхода выделяются отдельные источники политического лидерства, например, религиозные или идеологические [6–8]. Однако их детерминирующий потенциал, место в системе мотивационных образований, связи и взаимозависимости с другими детерминантами не определяются. Характерная особенность этого подхода — ограниченность исследований конкретной политической фигурой без каких бы то ни было претензий на научные обобщения.

Второе направление, наиболее широко распространенное и, в отличие от предыдущего, стремящееся к обобщениям, концентрирует внимание на психологических детерминантах политического лидерства [9–11]. Учитывая “политическую” природу последнего, в план исследований может включаться совокупность политико-культурных источников лидерства, которые рассматриваются, однако, не в непосредственно детерминирующем проявлении, а опосредованно — как “внешние обстоятельства”, объяснительный фактор, используемый в качестве последнего аргумента в ситуации исчерпанности объяснений психологических.

Третье направление, доминирующее в немецкой политической науке и имеющее концептуальное начало в трудах, Г. Гегеля и М.Вебера, указывает на значимость в системе детерминации политического лидерства объективных институционально-правовых факторов. Политико-культурные факторы, интегрированные в процесс политического лидерства, рассматриваются при этом не в деятельностном проявлении (мотивационном и/или коммуникационном), а как одно из условий деятельности политического лидера, ограниченно и/или опосредованно влияющее на его действия.

К этому направлению относится так называемая школа культурных детерминистов, исходящая из того, что именно социальные обстоятельства оказывают решающее воздействие на лидера, определяя его мотивы и поведение, а не наоборот, — оставляя минимальное пространство для его (лидера) инициативности и политического маневрирования. От совокупности социальных факторов зависит, насколько тот или иной политик соответствует лидерской позиции. Политическую же креативность лидер способен проявить только в условиях разрушения устойчивых социальных связей и отношений.

Четвертое направление политических исследований ориентировано на анализ социокультурных детерминант как непосредственных источников политической активности лидеров, установление между ними иерархических связей и зависимостей. Однако эти исследования учитывают детерминирующее воздействие только двух–трех факторов, взятых вне целостной детерминационной системы и обычно жестко локализованных историческим пространством и персональным представительством. Например, Р. Такер, ставя перед собой цель — проследить политико-культурную детерминацию политического лидерства, — в качестве объекта исследования использует только государственных лидеров советской России, а среди совокупности источников их деятельности выделяет детерминирующие возможности лишь “базового мифа”, порожденного напряжением между “идеальной” и “реальной” культурами. Во многом схожую позицию занимают Э. Кассирер, А. Кольев, Н. Щербина,

которые, анализируя детерминанты политического лидерства, ограничивают их исторически (соответственно, фашистская Германия и постсоветская Россия), и содержательно (миф, символ и язык). При этом анализ структурных компонентов политического лидерства выводится за пределы исследования, а действия отдельных культурологических факторов изучаются вне общей системы мотивационных стратегий.

Следует выделить группу исследований, сделавших попытку определить типологию политического лидерства сквозь призму их соотношения с доминирующими в обществе культурными системами и политическими режимами. Плодотворна в этом направлении культурологическая теория А. Вилдавски, согласно которой лидерство — производное от политического режима и имманентно присущей ему политической культуре. В соответствии с этими критериями он выделил девять типов политического лидерства (четыре — чистых, пять — смешанных) [12].

Отдавая должное этому подходу, его эвристическому потенциалу, следует признать результаты данного анализа ограниченными, главным образом по причине произвольности и ограниченности культурных феноменов, взятых в качестве основополагающих для выделенных автором политических режимов. Действительно, более чем спорным является, например, закладывание феномена фатализма в основание авторитарного политического режима.

Кроме этого, А. Вилдавски не удалось установить и проследить ясную смысловую связь между типом культурных детерминант и политического лидерства. В качестве примера можно указать на то, что, согласно его интерпретации, в основании харизматического лидерства находится такой культурный ингредиент, как справедливость, что у многих исследователей вызывает обоснованные возражения.

В классической работе “Социальная и культурная динамика” социолог П. Сорокин, опираясь на богатый исторический материал, пришел к выводу, что “исторические личности”, включая и политических деятелей, являются производными от определенного типа господствующей культуры и ее носителями. Это объясняется тем, что “господствующий тип культуры формирует тип сознания людей, которые родились и живут в рамках этой культуры... за малым исключением, сознание любого человека является микрокосмом, отражающим микрокосм окружающей его среды... и формы, и шаблоны почти всех публичных поступков носителей каждого доминантного типа культуры формируются и обуславливаются ею”. Как итог, “в идеациональный период распространенность идеационального поведения и личности (по крайней мере, среди заметных исторических фигур) гораздо выше, чем в период чувственной культуры” [13, 765].

Тезис о детерминирующем влиянии определенных историко-культурных систем на типологию политического лидерства имеет принципиальное значение для установления особенностей социокультурной детерминации политического лидерства. В концепции П. Сорокина не изучалось, однако, конкретное влияние множества культурологических детерминант на систему политического лидерства, что и не было ее целью.

Логике и смыслу данной работы в наибольшей степени соответствует исследование П. Сапронова, основная задача которого заключалась в анализе трех источников лидерства: философского, богословского и исторического, порождаемых ими образов власти и властителей в рамках отдельных исторических эпох, смысловом сопряжении этих образов и проведении между ними единой логической линии. Это тем более необходимо сделать, поскольку “всегда те, кто властвовал... персонифицировали собой и события, и воплощаемые ими смыслы. Фигуры властителей не просто выражали собой господствующее начало и соотносились с фигурами подвластных. В определенном аспекте на них замыкались и от них исходили все смыслы. Власть была всей культурой, взятой в одном из ее основных ракурсов” [14, 16 — 17].

Достоинство исследования П. Сапронова в том, что автор ввел в контекст политологического анализа типичные для каждой эпохи образы правителей и последователей, показал, каким образом культурологический заказ “снизу”, со стороны последователей, порождает определенные типы политических лидеров.

Наряду с этим первоначальная установка П. Сапронова на искоренение в работе “социологизма” и сведение к минимуму “психологизма” лишила в его интерпретации феномен лидерства, совокупность его детерминант широкого пласта социокультурных факторов, интегрированных в его систему: цивилизационный парадигм, потребностей и интересов, моральных и политико-идеологических ориентаций, политико-культурной стилистики и коммуникативных действий и др.

Важно, что различные исследователи указывают на наличие логической связи между культурными системами и содержанием (и типами) политического лидерства.

Однако вопрос о совокупности социокультурных детерминант политического лидерства во всем многообразии их связей и отношений, историко-эволюционных характеристик все еще остается открытым. Целесообразно использовать для анализа этой проблемы принципы деятельностного подхода, сущностно ориентированные на системную разработку феномена человеческой деятельности, включая и политическое лидерство, его детерминант, процессуальных характеристик, закономерностей и принципов функционирования, проявляющихся во взаимодействии лидера и последователей.

Этот выбор обусловлен целой совокупностью причин: 1) он ориентирован на системное изучение исследуемого объекта; 2) содержательно нацелен на анализ его процессуальных характеристик, что позволяет изучать политическое лидерство как динамический процесс, имеющий прошлое, настоящее и будущее; 3) данный подход предполагает обязательное определение его детерминантного потенциала, что принципиально важно для исследования; 4) он обладает собственной (хорошо разработанной) философской базой, позволяющей проецировать качественные особенности человеческой деятельности как таковой на деятельность любого политического лидера, его последователей, а также устанавливать логические связи с другими видами социальной деятельности; 5) деятельностный подход обладает необходимым научным инструментарием для типологизации исследуемого явления (политического лидерства); 6) он сущностно основан на обязательном научном анализе социокультурных факторов, интегрированных в процесс политического лидерства, что имеет особое значение для данного исследования; 7) в силу предельной обобщенности деятельностный подход “впитывает”, интегрирует и иные концептуальные подходы к данному явлению; 8) он ориентирован на изучение этого феномена сквозь призму *взаимодействия* лидера и последователей. В этом случае структурные компоненты лидерства, его базовые переменные выступают в “рабочем”, деятельностном проявлении, свидетельствуя тем о подлинной сущности. Некоторые современные исследования как раз и фиксируют внимание на отдельных аспектах подобного взаимодействия, этим, однако, ограничиваясь и не переводя его в плоскость историко-сравнительного анализа. Вследствие этого результаты не получают должного обобщения и систематизации.

Обычно деятельность — то, что делает субъект и прежде всего выступает как *объективно* существующая универсальная целостность. Не отдельные люди, отмечает Г. Щедровицкий, создают и производят деятельность, а наоборот, она “захватывает” их и заставляет вести себя определенным образом. “То, что мы называем “деятельностью”, выступает, с одной стороны, как предельно широкая, по сути дела универсальная, *конструктивная и оперативная система*, из единиц которой можно строить модели любых социальных явлений и процессов, а с другой (при соответствующей интерпретации) — как “*субстанция*” особого типа, подчиняющаяся специфическим *естественным законам* функционирования и развития” [15, 241, 244].

Деятельность, рассматриваемая таким образом, приобретает очертания системы с имманентно присущими ей структурно-функциональными характеристиками. Каждый элемент системы относительно самостоятелен, имеет логику развития, но внутренне связан с другими структурными компонентами того же типа. “Система человеческой социальной деятельности оказывается *полиструктурой*, т. е. состоит из многих как бы наложенных друг на друга структур, а каждая из них в свою очередь состоит из многих частных структур, находящихся в иерархических отношениях друг с другом... Поэтому можно сказать, что деятельность есть *неоднородная полиструктура*, объединяющая много разных и разнонаправленных процессов, протекающих с разным темпом и, по сути дела, в разное время” [15, 242]. Подобная полиструктурность деятельности в общем плане содержит как бы два «узла»: объективная часть деятельности — продукт; исходный материал, из которого продукт производят; действия, приложенные к материалу; орудия, используемые в этих действиях; знания, фиксируемые в специальных знаковых формах. Субъективная часть — сам индивид, табло его сознания, внутренние (интериоризованные) средства и способности, необходимые для оперирования всеми средствами и осуществления действий; цель деятельности [15, 267].

Таким образом, элементы структуры человеческой деятельности в общем виде можно представить следующим образом: 1) люди как субъекты деятельности; 2) их потребности, интересы и ценностные ориентации, определяющие содержание мотивов деятельности; 3) цели как идеальные прообразы потребных предметов; 4) средства и ресурсы деятельности; 5) совокупность действий и операций, посредством которых реализуется деятельность; 6) объект деятельности как сфера приложения материальных и духовных сил человека; 7) способы использования средств, направляемые на преобразование внешних объектов, других людей и себя.

Люди оказываются принадлежащими к деятельности, включенными в нее либо в качестве материала, либо в качестве элементов наряду с вещами, знаками, организациями. Принципиально важно то, что анализ структуры и процессов человеческой деятельности предполагает конструирование “идеализированного предмета”, т.е. такой идеализированной деятельности, “которой нет в реальной действительности в чистом виде, но вместе с тем она присутствует в каждом варианте практически бесконечного ряда конкретных видов деятельности, непременно составляя их основу” [16, 40]. Система политического лидерства, наследуя “родовые пятна” человеческой деятельности, может подвергаться идеализации и последующей типологизации, абстрагируясь от особенностей конкретного субъекта, в данном случае политического лидера и последователей, от их конкретных проявлений, специфики действий и взаимодействий.

Подход к структуре политического лидерства с точки зрения деятельностного подхода помогает преодолеть известную схоластичность традиционного подхода и акцентировать внимание на *процессуальных* характеристиках лидерства. В этом случае основные структурные компоненты лидерства оказываются интегрированными в саму деятельность, выражаясь в качественной определенности совершаемых лидером и последователями действий и операций, их функциональных характеристиках. Успешность политического лидерства во многом зависит от того, насколько полным и адекватным является представление лидера об этой совокупности функций и способах их реализации.

Помимо этого, существенное значение имеет способность лидера своевременно и объективно оценить, какие же функции выполняются не в полной мере или же неудовлетворительно и в соответствии с этим знанием произвести соответствующую корректировку политического поведения.

Если все разнообразие функций политического лидерства свести к некоторой равнодействующей, то, учитывая, что его содержание состоит преимущественно из культурологических ингредиентов, можно утверждать, что интегра-

тивным качеством обладают две функции: 1) выражать и представлять потребности и ценности социума, последователей; 2) трансформировать в желательном направлении систему мотивации последователей.

Согласно принципам деятельностного подхода можно выделить те базисные переменные политического лидерства, которые, с одной стороны, отражают его качественную определенность, а с другой — особенности процессов детерминации.

В первом случае в центре нашего внимания будет находиться та часть переменных лидерства, которая указывает на структурные взаимосвязи и взаимозависимости между лидером и последователями, а именно: а) уровень концентрации у лидера политической власти; б) степень зависимости власти политического лидера от различных групп последователей; в) доминирующие способы воздействия лидера на потенциальных и реальных последователей (внешнее принуждение — убеждение/внушение); г) объем и содержание средств/ресурсов его власти; д) степень политической активности последователей; е) совокупность функций, являющихся основополагающими в деятельности лидера; ж) содержание *действий/операций* политического лидера.

Что касается совокупности социокультурных детерминант политического лидерства, то в этой сфере будут подвергнуты анализу: а) мотивы лидера и последователей, господствующие в определенные исторические эпохи и в определенных культурных системах; б) совокупность действий лидера и последователей, обладающих детерминационным потенциалом (процессы репрезентации, идентификации); в) политическая стилистика лидера; г) его символическая политика; д) вербальная деятельность.

Итогом своеобразного синтеза культур, имманентно присущих лидеру и последователям, взаимодействующих в рамках единого, свойственного всему обществу, культурологического поля, является интеграция в единую целостность первоначально порознь существующих мотивов, ценностей и способов поведения. Этот синтез определяет генезис политического лидерства, его содержание и пространственно-временные рамки. Особенности конкретного проявления феномена политического лидерства, его эффективность, жизнеспособность, потенциал развития определяются в конечном счете умением лидера и последователей выбрать оптимальные для них формы ценностно-ментальных коммуникаций и идентификаций.

Литература

1. Пахарев, А. Теоретичні основи політичного лідерства в сучасній політичній науці / А. Пахарев // Політичний менеджмент. Спеціальний випуск, 2006.
2. Михальченко, М. Пошук лідерів: чесних, талановитих, справедливих / М. Михальченко // Політичний менеджмент. Спеціальний випуск, 2006.
3. Edelman, M. The Symbolic Uses of Politics / M. Edelman. — Urbana and Chicago, 1985.
4. Neuberger, O. Führen und gefuhrt werden / O. Neuberger. — Stuttgart, 1990.
5. Folkertsma, M.J. Ideology and Leadership / M.J. Folkertsma. — New Jersey, 1988.
6. Иванян, Э.А. Рональд Рейган. Хроника жизни и времени / Э.А. Иванян. — М.: Мысль, 1991.
7. Mazlish, B. In Search of Nixon / B. Mazlish. — Baltimore, 1973.
8. Renshon, S.A. Preliminary Assessment of Clinton Presidency. Character, Leadership and Performance / S.A. Renshon // Political Psychology. — 1994. — N. 2.
9. Фромм, Э. Адольф Гитлер. Клинический случай некрофилии / Э. Фромм. — М.: Прогресс, 1992.
10. Gibb, C. Leadership. Psychological Aspects / C. Gibb // International Encyclopedia of the Social Sciences. — London, 1972.
11. Lord, R. An information processing approach to social perceptions, leadership and behavioral measurement in organizations / R. Lord // Research in Organizational Behavioral. — 1985. — № 7.
12. Wildavsky, A. A cultural theory of leadership / A. Wildavsky // Leadership and politics: new perspectives in political science. — Lawrence, 1989.
13. Сорокин, П.А. Социальная и культурная динамика / П.А. Сорокин. — М.: Астрель, 2006.
14. Сапронов, П.А. Власть как метафизическая и историческая реальность / П.А. Сапронов. — СПб.: Церковь и культура, 2001.
15. Щедровицкий, Г.П. Избранные труды / Г.П. Щедровицкий. — М.: Шк. Культ. Полит., 1995.
16. Демин, М.В. Природа деятельности / М.В. Демин. — М.: МГУ, 1984.